

"Ельцин. Борьба за власть в верхах заходит в тупик"

"Санди Таймс", 14 марта 1993 г., Питер Фрэнк

Россия страдает от излишней и от недостаточной демократии. Она находится в состоянии острого кризиса. Между исполнительной и законодательной властью происходит невероятная борьба. Представителями этих двух сторон являются президент Борис Ельцин и Руслан Хасбулатов, спикер парламента.

Ельцин олицетворяет стремление России к отходу от тоталитарного прошлого к открытому, устроенному на основе плюрализма обществу. Хасбулатов представляет Россию, оглядывающуюся назад, - Россию, в которой демократию презирают, как принято считать.

В последние два месяца отношения между этими двумя политиками постоянно ухудшались. Неограниченные полномочия Съезда народных депутатов и его производного, действующего парламента - Верховного Совета, закреплены в устаревшей конституции.

Однако, они ни за что не несут ответственности и не склонны действовать с сознанием ответственности. С другой стороны, исполнительная власть имеет чрезвычайно ограниченные полномочия и отвечает буквально за все - за выход из экономического кризиса, за внешнюю политику, за соблюдение закона и правопорядка, за работу общественных служб, образование и т.д.

Соотношение властей не представляет собой творческого равновесия, как можно было бы ожидать в более стабильной политической системе. Скорее, оно находится в угрожающем тупике.

События последних недель приобрели характер кризиса. За последние месяцы политическая несостоятельность Ельцина стала еще более очевидной. Избиратели поручили ему управление страной, а он не имел возможности этого делать в связи с ограничениями, налагаемыми конституцией и парламентом, унаследованным от советского периода. Положение усложняется тем, что ему противостоит Хасбулатов, человек умный, хитрый, двуличный и циничный. Ни угрозами, ни ~~обманом~~, ни предложением компромисса не удалось добиться от парламента и крохотной доли сотрудничества, необходимого для выхода страны из того положения, в которое она поставлена все усложняющимся диспутом.

Внешне положение Ельцина напоминает то положение, в котором оказался Горбачев перед смещением с поста. Однако, уход Горбачева ускорил процесс развития демократии; смещение с поста Ельцина повернет этот процесс вспять. Горбачеву народ не давал своего мандата на правление, к тому же, он был лидером, стремившимся скорее реформировать существовавшую коммунистическую систему, чем трансформировать ее во что-то иное. Ельцин - это преобразователь, стремящийся избавить Россию от пагубного наследия тоталитарного прошлого. Проблема состоит в том, что он не может этого сделать, используя свои в настоящее время крайне ограниченные политические ресурсы - ресурсы, которые вечером вчерашнего дня были уже почти на исходе.

Дилемма, стоящая перед Ельциным, до крайности жестокая. Оставит ли он в действии ужасающе несправедливую Конституцию, а сам смирится с положением президента, выполняющего роль декорации - или он выберет до наглости смелый и опасный ход против своих политических оппонентов?

Было уже несколько намеков на то, что Ельцин, возможно, будет стремиться приостановить деятельность парламента и ввести правление посредством декретов. Может быть, это сейчас единственно реалистичный выход, но одно дело - объявить прямое правление, и совсем иное - ввести его. Для этого Ельцину потребовалось бы заручиться поддержкой так называемых министров "власти" - безопасности, внутренних дел и, в особенности, министерства обороны.

Крайне сомнительно, что военные поддержат любой ход Ельцина, направленный против парламента. Однако военные в силу специфики этого института, возможно, наиболее обеспокоены нависшей угрозой социальной нестабильности, и поэтому более всего стремятся к восстановлению порядка. Единственный политик, который мог бы убедить военных ввести прямое президентское правление, - это вице-президент Александр Руцкой.

У него выдающийся послужной список в военной области. Он имеет награду за доблесть, проявленную в Афганской кампании; он проявил достаточно мужества во время неудавшегося военного переворота в августе 1991 года. У него хорошие отношения с военно-промышленным комплексом. Он - второй после Ельцина политический деятель, стоящий наиболее высоко в глазах общественного мнения.

Хотя Руцкой часто и открыто критиковал Ельцина, за последние недели эта критика заметно поутихла. Если ему предложат подходящие условия, Руцкой может поддержать Ельцина в попытке ведения прямого правления и таким путем обеспечить ему сотрудничество с военными.

Существует также опасность оттолкнуть западную общественность введением прямого правления, которое может выглядеть как угроза возврата к диктатуре. Такое понимание было бы, возможно, неправильным. Но для того, чтобы рассеять подобные опасения, Ельцин мог бы одновременно с объявлением прямого президентского правления принять обязательство провести досрочные выборы в парламент и на пост президента. Это дало бы Руцкому возможность выставить свою кандидатуру на высший государственный пост раньше, чем запланировано.

Этот ход, будучи предпринятый Ельциным, повлечет за собой огромную политическую игру. Шансы на успех у него будут, скажем, 40% (это, однако, больше, чем при любом другом варианте). В случае неудачи последствия для него будут ужасными. Однако, русские люди жаждут сильного решительного правительства. Лидер, которого они предпочитают - это Ельцин (шансы парламента и Хасбулатова невелики). Все согласны с тем, что сложившееся тупиковое положение не должно продолжаться.

Что бы ни выбрал Ельцин и каков бы ни был результат, очевидно, что Россия находится на пороге нового витка над бездной нестабильности и хаоса. Пока этот процесс падения не будет остановлен и не повернут вспять, последствия его для России (и для всего мира) могут быть катастрофичны.

JOHN ROSS

THE SUNDAY TIMES • 14 MARCH 1993

Yeltsin

Power struggle at the top runs into stalemate

The contestants

by Peter Frank

RUSSIA is suffering from a surfeit of freedom and a dearth of democracy. It is in acute crisis. A colossal struggle for power is taking place between the executive and legislature. Personifying the two sides are President Boris Yeltsin and Russian Khasbulatov, the parliamentary speaker.

While Yeltsin represents a desire to move Russia away from its totalitarian past towards an open, pluralistic society, Khasbulatov stands for a backward-looking Russia in which democracy, as conventionally understood, is held in contempt.

Over the past two months relations between the two men have steadily deteriorated. The Congress of People's Deputies and its offshoot, the standing parliament or Supreme Soviet, are invested under the outworn and outdated constitution with virtually unlimited power.

But they are not charged with responsibility for anything, nor do they seem inclined to behave responsibly. The executive, on the other hand, has extremely limited powers, and is responsible for virtually everything — solving the economic crisis, the conduct of foreign policy, law and order, the social services, education, and so on.

It is not a creative equilibrium of power, as might have been the case in a more stable political system. It is, rather, a destructive stalemate.

The events of the past week have reached a crisis. For several months, Yeltsin's political nakedness has become ever more obvious. Charged by the electorate to govern, he

has been unable to do so because of the limitations imposed by a constitution and parliament that date from the Soviet period. To make matters worse, he has been confronted by an adversary, Khasbulatov, who is clever, cunning, duplicitous and cynical. Neither threats, bluff nor offers of compromise have succeeded in securing the modicum of co-operation from parliament needed to lead the country out of the worsening dispute.

Superficially, Yeltsin's plight is not unlike that of Mikhail Gorbachev before he was removed from office. But Gorbachev's removal brought democracy forward; removing Yeltsin would reverse it. Gorbachev had no popular mandate to govern and was a leader who sought to reform the existing communist system, rather than to transform it into something different. Yeltsin is a transformer who wants to rid Russia of the pernicious inheritance of its totalitarian past. The problem is that he cannot do that with his present extremely limited political resources — resources which by last night had shrunk to almost nothing.

Yeltsin's dilemma is stark. Does he abide by the iniquitous constitution and resign himself to becoming a merely decorative president, or does he opt for a bold, dangerous

move against his political opponents?

There have been several hints that Yeltsin might seek to suspend parliament and impose direct rule. That may now be his only realistic option; but it would be one thing to announce a direct rule, something altogether different to impose it. To do that, Yeltsin would need to secure the support of the so-called "power" ministries of security, internal affairs and, especially, defence.

It is extremely doubtful that the military would follow Yeltsin in any move against parliament. Yet the military is probably the institution most worried by the prospect of imminent social instability and therefore most keen to see order restored. The one politician who might be able to persuade the military to impose direct presidential rule is Alexander Rutskoi, the vice-president.

He has a distinguished military record. Decorated for valour in the Afghan campaign, he also displayed considerable courage during the abortive coup of August 1991. He enjoys good relations with the military-industrial complex, and is second only to Yeltsin in public esteem.

Although Rutskoi has often criticised Yeltsin openly, it has been noticeable that such criticism has become muted in recent weeks. If offered the right terms, Rutskoi might support Yeltsin in the imposition of direct rule and, in so doing, ensure the co-operation of the military.

There is also the danger that direct rule would alienate Western opinion, which would see it as posing the threat of a return to dictatorship. Such a reading would probably be wrong. But in order to assuage such fears, Yeltsin could link a declaration to a precise undertaking to hold early elections to parliament and for the presidency. This would also offer Rutskoi the prospect of an early opportunity to run for supreme office.

Such a move by Yeltsin would entail a huge political gamble. The chances of his succeeding would be no more than, say, 40% (but that is higher than it would be for any other option). The penalty for failure would be dire. Yet the Russian people are yearning for strong, decisive government; their preferred leader is Yeltsin (parliament's and Khasbulatov's stocks are low). Everyone agrees that the present stalemate cannot be allowed to continue.

Whatever Yeltsin chooses to do, and whatever the outcome, it is obvious that Russia is on the verge of spiralling into an abyss of instability and chaos. Unless the descent is arrested and reversed quickly, the consequence for Russia (and for the world) could be cataclysmic.

25. APR 1994 * 01.000